

Жизнь на двух континентах

Н.С. Стрелкова

— Давайте начнем нашу беседу с ваших родителей. Где и когда они родились, когда уехали из России?

— Мама родилась в 1909 г. в Латвии, где тогда служил ее отец, православный священник. Потом его послали миссионером сначала в Нью-Йорк, а затем в Монреаль. После Монреаля вся семья переехала в Сан-Франциско, где мой дедушка много лет был настоятелем собора. Родственники по маминой линии жили в Америке, по-моему, с 1913 г.

В 1904 г. в маленьком г. Бирске на Урале родился мой папа. Когда отрекся от престола царь Николай II, мой дед по отцовской линии не мог пережить это событие, сокрушался: «Как наш царь мог отречься от престола, на который он был поставлен самим Богом?!» И они с семьей уехали в Харбин. Оттуда мой папа после окончания гимназии поехал в Сан-Франциско.

Протоиерей Владимир Сакович (1883–1931 гг.) – дед Н.С. Стрелковой по материнской линии

— То есть в Харбин они попали после Февральской революции?

— Да, и дед прожил там до самой смерти. Моему отцу было пятнадцать лет, когда они приехали в Харбин, а уехал он в Сан-Франциско в 19 лет.

— Искать приключений, счастья или просто посмотреть?

— Ни то, ни другое, он хотел учиться на инженера в калифорнийском университете. Но когда отец приехал в 1923 г., семестр уже начался и студентов не принимали, и он был вынужден искать работу. Мой дед по материнской линии его сразу принял. Кстати сказать, он принимал всех русских, помогал найти работу, жилье...

— И в то время с вашей мамой он еще не был знаком?

Лицо профессии

— Он тут же с ней познакомился, она была дочерью священника. Он влюбился с первого взгляда, но им пришлось ждать, пока она достигнет совершеннолетия и сможет выйти замуж. Когда они познакомились, ему было 19 лет, а ей всего 14.

— Выучился ли отец на инженера?

— Нет. Сначала он работал грузчиком. Когда заработал немного денег, то решил повести всю семью на концерт Шаляпина. Шаляпин тогда как раз гастролировал в Сан-Франциско, и папа решил всем купить билеты. Конечно, на концерт также пошли все русские студенты. Они говорят: «Серафим, иди к Шаляпину, прямо сейчас!». Многие знали, что у него хороший голос, и хотели, чтобы он познакомился с Шаляпиным. Они буквально втолкнули его в гримерку. Шаляпин его радушно принял: «Мне сказали, что вы будете вторым Шаляпиным. Не надо! Лучше быть первым Стрелковым!» Потом он поинтересовался: «Вы будете учиться на певца, поедете в Италию?» — А денег на поездку в Италию, конечно, не было. К тому моменту папа пел, но еще не профессионально. — «Кем вы работаете?» — «Грузчиком», — ответил мой папа. — «Я тоже работал грузчиком на Волге», — ответил Шаляпин. И тогда они договорились, что еще обязательно встретятся. С тех пор в нашем доме боготворили Шаляпина, и не только потому, что он великий артист.

В жизни у отца была еще одна встреча с Шаляпиным. Вторая встреча произошла в 30-е гг. во время Великой депрессии.

В те времена отец работал разнорабочим и ни о какой карьере еще не думал. Занятий в университете даже не начинал. Как-то раз он появляется у моей мамы — они уже женаты, имеют детей — и говорит, что решил отправиться в кругосветное путешествие. На последние деньги он сшил костюм, казацкий, черный, со стоячим воротником, купил гитару за два доллара и уехал. А мама с нами осталась у своей матери. Сама пошла работать, женщинам было легче устроиться. Мамин заработок плюс деньги, заработанные папой в пути, поддерживали нашу семью, а бабушка воспитывала внуков.

— Как отец отправился в кругосветное путешествие, сел на пароход?

— Не сразу. Из Голливуда, где мы до этого жили, он проехал всего несколько миль на север и сумел дать маленький концерт в каком-то клубе для богатых бизнесменов. Получив деньги за выступление, он смог доехать до следующего города. И так, через всю Калифорнию, штаты Орегон и Вашингтон, он добрался до границы с Канадой, где сел на пароход, собрав кое-какие деньги на билет, и уплыл в Японию. Там он безуспешно искал себе применение и наконец решил прийти в американское посольство, где предложил исполнить песню «Дом на ранчо» (“Home on the Range”), любимую песню Рузвельта. В посольстве он дал концерт и, попутешествовав по нескольким городам Японии, уехал в Китай, где в Шанхае и застрял. Никто не хотел слушать его пение и уж тем более платить за него. Он задолжал в гостинице и не знал, что предпринять. Сел на рикшу и попросил отвезти его в самый шикарный отель города — “Cathay”. Отец пришел к менеджеру, сказал, что совершает кругосветное путешествие, — он был красивый, высокого роста, в своем казацком костюме — и предложил дать концерт для постояльцев отеля в ресторане во время ужина. И запел, хоть уже и не ел два дня. Так он получил работу, а спустя две недели поехал дальше на юг. Когда доехал до Коломбо на Цейлоне, там как раз гастролировал Шаляпин. Шаляпин сразу вспомнил его и принял на борту яхты. Репортеры, которые были на

Серафим Стрелков во время кругосветного путешествия в 1933–1936 гг.

яхте, хотели сфотографироваться с Шаляпиным, но Шаляпин сказал: «Нет. Пускай со мной снимется Стрелков». Шаляпин с интересом слушал рассказ о папином путешествии — это было так необычно! И они условились, что встретятся на будущий год в Париже. Но когда отец доехал до Парижа, с опозданием на три месяца, Шаляпина уже не было в живых.

Итого, кругосветное путешествие вместо одного года заняло почти три. Путешествие продолжалось в Индии, потом в Палестине. Дальше — Греция, где он был арестован, поскольку он не имел разрешения от правительства на концерты. Он заявил полицейским, что совершает кругосветное путешествие и, когда вернется, обязательно напишет, что нигде, кроме Греции, никто не требовал от него разрешения на пение. «Ладно, выступайте», — согласился представитель местной власти.

Далее — через Италию во Францию. В Париже отца пригласили спеть на радио.

Между номерами он рассказывал о своей поездке. По-французски он не знал ни одного слова и читал свой рассказ по бумажке. Те, кто его слушали, говорили: «Пение превосходное. Французский ужасный». Из Франции обратно в Америку он плыл на самом известном в то время корабле «Нормандия». Наконец он доехал до Нью-Йорка, где встретился с Джозефом Гру (Joseph Grew), бывшим американским послом в Японии, который в свое время просил его выступить в Токио. А теперь Джозеф Гру пригласил его в Вашингтон спеть “Home on the Range” для Рузвельта. До сих пор не понимаю, почему он не поехал. Отец объяснял это так: «Мне надо было к жене, к детям, я слишком соскучился...»

Когда он приехал домой в Сан-Франциско, мне было лет шесть или семь. Перед его возвращением мама предупредила: «Сегодня приезжает папа». Звонок в дверь — и на пороге стоит незнакомый человек в дождевике и в очках. Я своего отца не узнала. Когда он путешествовал, мы могли посылать ему только пластинки, записываемые в церкви, что-то наподобие звуковых писем. От него тоже получали звуковые письма, записанные на маленьких алюминиевых пластинках.

— Получается, что за время своего путешествия он стал профессиональным певцом...

— Можно так сказать. В то время он учился у профессора по постановке голоса, а оперные партии изучал позднее у других педагогов.

— Как в вашей семье поддерживался русский язык?

— Я росла в семье, в которой говорили и по-английски, и по-русски (иногда смешивая языки в одном предложении), это и положило естественное начало моей переводческой судьбе. Уже учась в нулевом классе школы (kindergarten, что, кстати, не

Лицо профессии

является эквивалентом русского «детский сад»), во время игры во дворе я даже не понимала, что кричали мне по-английски одноклассники (“Red Rover, Red Rover, let Natalie come over”¹), поскольку в Сан-Франциско мы жили с нашей русской бабушкой и дома слышали только русскую речь. Однако, как это часто случается с детьми, второй язык впитывается быстро, так что вскоре я свободно говорила и по-английски, и по-русски. В Сан-Франциско я доучилась до шестого класса. У нас была одна учительница на все предметы. В свое время она училась на музыканта и занималась с нами музыкой каждый день. Это было замечательно! Я до сих пор помню все ее песни. Помню, как мы танцевали «Ирландскую прачку» (“Irish Washerwoman”).

– **Так вы захотели стать балериной?**

– Нет, это желание пришло потом, когда я окончила школу. После Сан-Франциско мы жили в Чикаго, где мой папа учился пению. Объездив 25 штатов, мы всей семьей обосновались в Нью-Йорке на много лет. Папина концертная деятельность на этом не закончилась, но он ездил на гастроли уже один, без семьи.

– **Что вы можете рассказать об учебе в американских школах?**

– В Америке нет единого стандарта обучения, все школы разные, со своими программами. Мы жили в Сан-Франциско у моей бабушки, но много путешествовали. С папиными гастролями мы объехали многие штаты США. В городах, где мы останавливались, мы с братом ходили в местные школы и посещали занятия иногда всего один-два дня. Любимым нашим предметом была география: мы знали все столицы наизусть. Каждый раз, когда мы переезжали на восточное побережье, учиться было трудно, а в Калифорнии нам было легко. Моему брату Феде в нью-йоркской средней школе (high school) тяжело давалась грамматика. А для меня самым страшным предметом была геометрия! Кстати, в той же школе позднее училась и Линн Виссон. Это была школа при Хантер-колледже (Hunter College). Я была старше Линн, и мы не знали друг друга, пока много лет спустя она не посетила наш институт в Москве. Школу я закончила в 1948 г.

Для меня учеба в американских школах до приезда в Россию – в Чикаго, Голливуде, Сан-Франциско и Нью-Йорке – была связана с английской грамматикой и литературой. В школе при Хантер-колледже в Нью-Йорке преподавали французский и латинский языки, что не только заложило мне хорошую базу стилистики и структуры языка, но и привило любовь к переводу, хотя еще не с русского...

– **Вы сразу после школы поступили в университет?**

– Нет, я же хотела стать балериной, пока меня не убедили в том, что я хорошо умею только прыгать, но два пируэта подряд сделать не смогу. Закончив школу Хантер, я оказалась единственной выпускницей, не поступавшей в колледж, потому что была твердо намерена стать балериной, причем не в кордебалете, а желательно сразу примой, и не где-нибудь, а в России. Почти год после школы я работала в нью-йоркской библиотеке (New York Society Library), чтобы накопить деньги на уроки танца.

¹ “Red Rover” – игра американских детей. Играющие встают в две шеренги напротив друг друга, взявшись за руки. Одна команда выкликает по имени игрока противоположной команды; он должен попытаться с разбегу прорвать цепь соперников. Если это удастся, игрок возвращается в свою шеренгу с «пленником», если нет – сам остается «в плену». Русские дети точно так же играют в «Бояре, а мы к вам пришли!» (прим. ред.)

Кроме того, всю жизнь я рисовала и решила учиться на художника. Сначала занималась живописью с частным педагогом в Гринвич-Виллидж, затем в Бруклинском музее. Я рисовала карандашом и писала маслом.

Вот тут я и созрела поступать в нью-йоркский Сити-Колледж (New York City College). Там я продолжила изучение французского и английского языков и истории искусства наряду с рисованием, живописью и начальным курсом оформительского искусства. Думала, что в России буду работать художницей. Но наши советские знакомые убедили меня в том, что мое преимущество состояло во владении родным английским языком: «Подумай, в СССР такие люди будут очень нужны».

Моя последняя работа в США — до возвращения в эту страну после длительного перерыва в 1992 г. — была в Нью-Йорке, в Библиотеке межкультурных исследований (Library for Intercultural Studies, в прошлом так называемый Русско-американский институт (Russian-American Institute)) «девочкой на побегушках» у директора, где я отвечала на телефонные звонки, записывала под диктовку, вырезала из газет упоминания о Советском Союзе. Директор собирал архив о России. Различные издательства и редакции газет обращались к нему за справками о фактах, фамилиях людей, и т.д. Для ускорения дела я, не читая, вырезала все статьи, в заголовках которых я видела слова “Russians” (русские) или “Reds” (красные), и иногда на стол моего начальника ложились статьи о бейсбольной команде «Бостон Ред Сокс» (“Boston Red Sox”).

Семья Стрелковых. Слева направо: Наталья, Галина Владимировна (мама), Федор (брат), Серафим Федорович (отец). США, 1953 г.

— Что вдруг подтолкнуло вашу семью к переезду в СССР?

— Не вдруг. Отец думал об этом уже с 1947 г. По-моему, он скучал уже давно. Но, конечно, холодная война и господин Маккарти сыграли свою роль.

Мы много раз ездили в Советское посольство в Вашингтон, и каждый раз в посольстве нас спрашивали, кто мы такие. Все время менялись люди, и процедуру приходилось начинать сначала.

Примерно в это время состоялись визиты к нам из ФБР, хотя мы и не афишировали наше намерение уехать. В Нью-Йорке был кинотеатр «Талия»,

где показывали русские фильмы. И кто-то фотографировал посетителей на входе и выходе. Может, таким образом нас взяли на заметку, а может, знали, кто ходит в Советское консульство или посольство. Это длилось в течение долгих лет.

Когда я закончила Сити-Колледж, пришло понимание того, что жизнь в Нью-Йорке стала небезопасной, так что в ожидании визы в Россию я и родители (брат к тому времени уже был женат и работал над получением магистерской степени инженера) решили отправиться на север в Нью-Гемпшир или в штат Мэн. По пути мой отец, за полным отсутствием музыкальных ангажементов, согласился на недельную

Лицо профессии

Н.С. Стрелкова – выпускница Сити-Колледжа, Нью-Йорк, 1954 г.

ли?.. Знаете что, у нас уже есть учитель, не так ли, коллеги?» (Холодная война была в самом разгаре — пора было привыкать...). И тем не менее, инспектор школ не сдавался: «Латинский в моем графстве непременно будет!» Как бы то ни было, следующая должность учителя все-таки досталась мне — в г. Сирспорт я впервые поработала учительницей иностранных языков (но только не русского).

Однажды в Сирспорте я засиделась в своей школе допоздна, проверяла контрольные работы, остальные учителя давно разошлись по домам, как вдруг в школу вошли двое мужчин, представились агентами ФБР и пригласили меня в свой автомобиль, чтобы задать мне несколько вопросов. Я предложила принять их в кабинете директора, так как директор уже ушел домой. Оказалось, что их интересовал лишь один вопрос — политические взгляды моего отца. «Знаете, мы не очень близки», — ответила я, покривив душой. «Вы спросите у него сами. Вы, наверняка, знаете, где он живет!» Как только они уехали, я позвонила отцу из телефона-автомата, чтобы не оставлять улики в школе, и направилась домой к директору, сообщить ему о случившемся. «О, мисс Стрелкофф, совершенно не о чем волноваться, обычное дело». Все было бы хорошо, но мне не продлили контракт на следующий учебный год и я вновь была вынуждена обратиться

работу по ремонту моста, а я получила работу продавщицы в магазине «Вулвортс» (“Woolworth’s”), несмотря на возражения менеджера по поводу моего университетского диплома с отличием («конечно, с образованием перебор, но нам срочно нужны люди»).

Добравшись до г. Бар-Харбор на острове Маунт-Дезерт, мы устроили себе каникулы на пару недель. Оттуда мои родители направились в Саутвест-Харбор, где и остались до возвращения в Нью-Йорк. Я же пошла в управление инспектора школ, где ко мне проявили безусловный интерес как к специалисту, способному преподавать английский, французский и латинский языки. Но в городе, куда меня порекомендовали, первый заданный мне школьным советом вопрос был «Хм-мм... Так вы говорите, ваша фамилия Стрелкофф, это ведь русская фамилия, не так

Н.С. Стрелкова в классе средней школы г. Сирспорт, штат Мэн, США, 1955 г.

в бюро по трудоустройству в Нью-Йорке. Меня приняли на работу в частную школу в фешенебельном районе в штате Коннектикут, на сей раз учителем английского языка и естествознания.

О Союзе мы знали, конечно, мало. Мои родители, особенно папа, всегда пытались разузнать, какова жизнь в России. Я ходила в библиотеку, но мы не читали ругательских книг о Советском Союзе, а даже если такие попадались, мы им не верили, потому что они были написаны очень неубедительно. Я была достаточно взрослым человеком, чтобы понять, что пишут о Союзе. Что там творится в реальности, мы не знали. Потом я читала Бернарда Шоу, который посетил Советский Союз и восторгался советским образом жизни, верил, что там действительно царит справедливость. Конечно, они многого не знали... Однако когда человек настроился на что-то, его трудно переубедить.

В Нью-Йорке у нас появились советские знакомые, очень симпатичные люди. Когда мы поближе познакомились, они попросили моего папу свозить их во Флориду, несмотря на то, что им не разрешалось выезжать из города за пределы 25-мильной зоны. Отец согласился. Несколько раз у них возникали непростые ситуации. Например, в отеле папа предложил расписаться за них. На него косо посмотрели. В другой раз забыли в машине ключи, надо было вызывать мастера, и папа взялся за это. Я даже не знаю, зачем они туда ездили, наверное, просто отдохнуть, а может, и что-нибудь написать. Один из них был журналист «Правды» по фамилии Литовско, с ним его жена Зина, а третий работал в Радиокomitee. Он даже предложил мне записать мой голос на пленку, поскольку мы собирались ехать в СССР. На «Radio Moscow» в то время работал Джо Адамов, и мне передали его слова после того, как он прослушал запись моего голоса. Он сказал: «Не подойдет, слишком писклявый голос». Кстати, мне и неинтересно было работать диктором, и я стала там редактировать переводы.

Наконец, были готовы наши визы и мы начали приготовления к отплытию на судне компании «Кунард лайн». На руках уже были билеты на самый большой в мире пассажирский лайнер «Королева Елизавета». Нам вновь нанесли неожиданный визит люди в штатском, на сей раз с поздравлениями, что мы, наконец, едем туда, куда мечтали! Они по-дружески пожелали нам удачи. Но вечером следующего дня, накануне отплытия, в дверь вновь позвонили двое и, представившись сотрудниками ФБР, проинформировали нас о том, что мы не должны питать иллюзий: «Никуда вы не поедете, у нас новые директивы из Вашингтона!» Когда они ушли, мы сами позвонили в Вашингтон, и представители советского посольства посоветовали нам «держаться», добраться до причала и — «все будет нормально».

Все оказалось иначе. На следующее утро, когда мы выходили из дома, за нами кто-то наблюдал с крыши дома через улицу, и черный автомобиль ехал следом за нашим такси до самого причала. А там уже были представители советского посольства. Они сказали нам по-русски, чтобы мы не общались с собравшейся на причале прессой. Но неужели наша маленькая семья привлекла к себе столько внимания!

В порту нам пришлось ответить на много вопросов. Я наивно полагала, что суть проблемы была в том, каким паспортом, советским или американским, мы намереваемся воспользоваться, но я ошибалась. Представитель капитана учтиво поинтересовался, можно ли им сгрузить на берег наши вещи, раз нас не выпускают из страны. По словам представителя, капитан был бы весьма признателен нам за это, ведь время для отчаливания быстро уходило вместе с отливом, и «Королева Елизавета» могла бы надолго задержаться в Нью-Йорке. Он заверил нас, что, как только про-

Лицо профессии

блема будет урегулирована, мы сможем воспользоваться нашими билетами на любом лайнере пароходной компании «Кунард лайн».

Когда наш багаж был выгружен из трюма и помещен на хранение, мы отправились на Манхэттен в квартиру нашего друга. И несмотря на то, что советские представители связали моего отца со своими адвокатами, казалось, что наше дело глубоко увязло. Задержка длилась около недели, и наконец вопрос был вынесен на обсуждение посла СССР Зарубина с Джоном Даллесом, в результате чего был подписан документ, позволяющий нам отплыть следующим рейсом «Кунард лайн» на лайнере «Королева Мария» через Атлантику в Лондон, а затем двигаться дальше, в Москву. На сей раз нам удалось сесть на корабль, и мы даже дали интервью газете «Нью-Йорк Геральд Трибюн», которое было опубликовано в весьма благожелательном тоне.

Лайнер «Королева Мария» в порту г. Нью-Йорка, ноябрь 1956 г.

Но на этом эпопея не завершилась. Во-первых, поскольку мы отплыли из Нью-Йорка с запозданием, в Лондоне нас никто не встречал, и мой отец был вынужден разыскивать повсюду советских консульских работников и договариваться с ними, чтобы нам забронировали несколько рейсов до Москвы. Тем временем, мы с мамой занимались осмотром достопримечательностей Лондона, даже прокатились на двухэтажном автобусе, хотя практически ни слова не понимали из того, что говорил на кокни кондуктор. С таким «иностранным» акцентом мы в Америке сталкивались нечасто.

Следующим городом по пути в Москву был Осло, куда мы прилетели самолетом SAS. Затем Прага. Но там уже повеяло чем-то иным. У нас не было времени погулять по городу, нужно было торопиться на вокзал,

чтобы не опоздать к поезду, и уже на вокзале к вечеру мы узнали новость о том, что Советский Союз ввел войска в Венгрию. Об этом нам неоднократно напоминали на отрезке пути до пограничного города Чопа на Украине. Пять раз нас будили, предлагали кофе: «Кому кава?». И так всю ночь! Ясно было одно: проводникам, которым было известно, куда мы едем, хотелось как-то выразить свой протест. Но когда мы пересели в советский поезд, направлявшийся в Москву, обстановка разрядилась. Не успели мы оглянуться, как поезд прибыл на Киевский вокзал.

Сойдя с поезда, мы позвонили корреспонденту «Правды», с которым познакомилась в Нью-Йорке, тому самому, который в свое время попросил моего отца отвезти их во Флориду.

— Давайте теперь перейдем к жизни в Москве.

— Приехали мы в СССР в ноябре 1956 г, после XX съезда. Уже был Хрущев, шла «оттепель».

— Как то, что вы увидели в СССР, согласовывалось с тем, что вы читали и как вы представляли себе эту жизнь из Америки?

— Все было такое новое. Может быть, не так уж замечательно, но очень интересно. Когда мы приехали, нам сказали, что жить в Москве не удастся, так как Москва закрытый город, и так слишком много народу. Но когда узнали, что меня ожидает работа в Радиокomitee, нас оставили. Папу сразу взяли в Росконцерт, и он ездил с гастрольями по всей стране. Сначала выступал в бригаде (так назывались передвижные музыкальные труппы), а потом сам стал бригадиром, причем не только пел, но и отвечал на вопросы публики.

Как только мы приехали, нам предоставили номер в гостинице у ВДНХ. Номер был даже без телефона: надо было выходить в коридор, а там кто-то все время громко разговаривал по межгороду.

Мне сразу дали общежитие у метро «Сокол». Со мной обходились очень хорошо — в Москве почти не было иностранцев. Среди других репатриантов из Америки были только приехавшие в 30-е гг.

— Кто еще работал тогда на радио?

— Элеонора Янковская, например. Ник Курнаков, которого я знала еще раньше: его отец был аккомпаниатором моего отца. Его семья тоже думала о переезде в Россию вместе с нами. Однажды мы даже ездили вместе в посольство, но их переезд так и не состоялся. На «Radio Moscow» я не переводила, больше редактировала переводы. Иногда брала интервью. Во время Международного фестиваля молодежи и студентов 1957 г. меня посылали на несколько таких встреч. Когда я первый раз поехала на интервью, я даже не умела пользоваться диктофоном. Пришлось звонить в редакцию и спрашивать, на какие кнопки нажимать. Но на беседах с русскими хотя бы не было осложнений другого рода. Дело в том, что

Серафим Стрелков – афиша Росконцерта, конец 1950-х гг.

нам нельзя было выступать на Америку под своей фамилией, требовалось выбрать псевдоним, так что я представлялась не Стрелковой, а Акимовой. И вот как-то было интервью с женщиной-музыкантом из Нью-Йорка. Я ее сразу не узнала, а она напомнила, что мы встречались у Прессмана, отца Ника, и спросила, почему это я Акимова? А объяснить без вранья уж никак нельзя было. После этой встречи меня больше не посылали брать интервью у иностранцев и в конце концов попросили сидеть в комсомольском бюро и помогать делать письменные переводы.

Конечно, понемногу я начала узнавать, что творится в стране, но нас лично это не касалось. Правда, моего мужа Сергея Чулаки вызывали в КГБ несколько раз. Меня вызвали один раз и спросили про каких-то неизвестных мне людей, фотогра-

Лицо профессии

Наталья Стрелкова с мужем Сергеем Чулаки,
Москва, 1960 г.

фии которых мне показали. Больше меня не вызывали, и папа говорил, что его тоже ни о чем не спрашивали.

— Как вы воспринимали советский образ жизни, когда переехали в Москву? Может быть, эта жизнь была для вас не до конца понятной или чужой?

— Не чужой, но непонятной.

— Может, вы слишком идеалистично воспринимали эту жизнь?

— Да. Наверняка.

— А те, кто прошли через 30-е гг., воспринимали ее по-другому?

— Конечно. Но кстати, наши друзья никогда не затрагивали тему, как им плохо жилось. Если мы и говорили, то на отвлеченные темы: литература, музыка, Америка.

Правда, один мой давний коллега в Ингъязе все еще злился на своего наивного отца, который привез его в Советский Союз, в результате чего тот просидел восемь лет в Гулаге. А когда мой папа ездил на гастроли, он бывал в местах недалеко от Гулага и слышал страшные истории: кого-то арестовывают и предлагают выбор — урановые рудники или «вышку». «Уж лучше «вышку»», — отвечал арестованный. Отец многое стал понимать, когда ездил по стране. Не все случаи были такими экстремальными, но услышал он много нового.

— Когда вы приехали, вы стали «экспертом» по Америке?

— Возможно, хотя я и не помню, кроме первых дней, чтобы меня кто-то об этом спрашивал. Но когда приехала в Москву в конце 1956 г., мои вопросы в автобусе о том, как куда проехать, вызывали любопытство других пассажиров: «А вы откуда будете?» Когда я, не подумав, говорила: «Из Нью-Йорка», следовала целая лавина вопросов, в том числе: «Как там живет рабочий?» и даже: «Почему вы решили приехать сюда?», на что я отвечала, так долго подбирая слова, что нередко пропускала свою остановку. Кстати, такие встречи происходили только до Фестиваля молодежи в 1957 г., после которого иностранцы на улицах уже не были такой редкостью, как всего несколькими месяцами ранее.

— Поскольку ваша профессиональная жизнь стала очень быстро связана с языком, то уж в этой сфере вы стали «экспертом номер один»?

— Это другое дело, хотя были люди, которые поначалу считали, что у меня еще было мало опыта.

— Итак, первый ваш контакт с переводом и редактированием переводов был уже в Радиокomitee? Что вас особенно раздражало, когда вы читали переводы на английский язык, выполненные советскими переводчиками?

— Главным образом, буквализмы. А также то, что переводчики не чувствовали своего читателя. Во-первых, не понимали, что читатель не советский, что не надо

чрезмерно ругать «иностранного» читателя. Тем более, если выражение по-русски звучит не так резко, как в переводе. А еще, что слишком мало обращали внимание на разницу в синтаксисе, и поэтому переводы иногда трудно читались.

– Расскажите о своей работе в Инъязе.

– Сначала вернемся на несколько лет назад к работе, которая у меня была до начала 25-летней карьеры в Инъязе, который мы шутливо называли “morris torris,”² и даже еще раньше, к рождению маленького Вани (тоже непростая, но интересная работа, как подтвердит большинство матерей). Он тоже рос билингвом и продолжает семейную традицию перевода, начатую его родителями, когда мы переводили и редактировали программу новостей на “Radio Moscow”. После этого наступил этап работы в журнале “Soviet Life”, где я была автором рубрики о культуре (по взаимному соглашению, этот журнал печатался в США, тогда как в СССР выходил журнал «Америка»). Рубрика была озаглавлена неприметно “Things Cultural”, но работа была действительно увлекательной. Представьте себе: ходить на оперы, концерты, балеты, художественные выставки, брать интервью у певцов. А потом писать об этом в журнале. В то время моим редактором был хорошо известный сейчас журналист Владимир Познер, который давал мне полную творческую свободу. Но однажды произошел курьезный случай, когда в очередном номере журнала вышло мое интервью с певицей Ириной Архиповой, которая как раз собиралась на гастроли по США, что по тем временам было редкостью. В журнале должна была появиться ее фотография, но каким-то образом в процессе верстки что-то перепутали с фотографиями, и вместо Архиповой со страницы журнала на американского читателя победоносно смотрела ее соперница! Меня, конечно, не винили — я не отвечала за иллюстрации, хотя и предлагала собственную иллюстрацию, которая не прошла, как и не прошло предлагаемое мной название рубрики “Culture Column”.

Из Радиокomiteта я ушла довольно скоро, потому что родился сын, и возвращалась туда лишь эпизодически. Много работала дома. Работа всегда была связана с переводом, который, естественно, меня сильно интересовал. В начале 90-х я работала параллельно с Инъязом в «Литературной газете» и в «Независимой газете», которые в течение короткого времени имели англоязычные версии, выходившие за границы.

В Инъязе я работала с 1967 г. В течение первых двух семестров я преподавала практику английского языка на переводческом факультете, а потом быстро перешла на работу на Высшие курсы переводчиков (ВКП), куда меня пригласил Гелий Васильевич Чернов. Тогда ВКП только открывались. Гелий Чернов руководил этими курсами. Это был видный ученый-лингвист, много лет проработавший переводчиком в ООН. Он создавал на ВКП атмосферу дружеских и доброжелательных отношений между коллегами, при этом каждый понимал, что от всех требовалась максимальная отдача на высоком профессиональном уровне. Я проработала там 24 года и считаю, что мне очень повезло в жизни. На ВКП я работала с такими замечательными коллегами, как Евгений Филиппов, Александр Михеев, Александр Мельников, Юлия Жукова (которая вела письменный перевод на русский язык), Ольга Тарханова, Ирина Зубанова, и другими. Это были выдающиеся педагоги, переводчики (устные и письменные), да и просто друзья.

² Официальное название в те годы: Московский государственный институт иностранных языков имени Мориса Тореза; сегодня Московский государственный лингвистический университет (МГЛУ) (прим. ред.).

Лицо профессии

Когда Г.В. Чернов работал в Нью-Йорке в ООН, руководителем Курсов был Александр Давыдович Швейцер, который привнес на ВКП богатый опыт практики перевода в сочетании с обширными знаниями теории и практики перевода. Мы много сотрудничали и с преподавателями других кафедр – Игорем Полуяном, Марией Фалькович, Аллой Цигельной и другими.

При переводе на английский язык мы учили слушателей переводить мысли, а не слова, правильно пользоваться словарем, пользоваться различными стилистическими регистрами (от официального стиля до сленга), наращивать словарный запас за счет синонимов, в каких случаях и каким образом объяснять англоязычному читателю смысл тех или иных терминов или реалий, как добиваться того, чтобы перевод легко читался.

Большинство слушателей владели английским языком очень хорошо. Им хотелось учиться. Уже не студенты, а люди, имеющие работу, они иногда успевали делать домашнюю работу лишь карандашом, но старались готовиться к каждому занятию.

– Что бы вы посоветовали русским специалистам, переводящим на английский язык?

– Они должны забыть о словесной оболочке русского текста, вспомнить, о чем речь, и передать эту мысль по-английски. Для этого важно хорошо знать английский язык. Я, например, все время редактирую себя. Надо почитать свой перевод вслух или услышать текст в голове. Если читается не гладко, тогда надо что-нибудь переделать. Возможно, это трудно, особенно при переводе не на родной, а на иностранный язык. Никакой магической формулы для перевода на английский язык у меня нет. Переводчик переводит мысль, а не отдельные слова. Чем больше занимаешься переводом, тем больше следуешь правилу – забудем, какие именно слова были в оригинале, и переведем мысль.

– Расскажите, пожалуйста, о возвращении в США.

– Мы приехали в США в 1992 г. с моим мужем Сергеем. Мы не собирались насовсем возвращаться в Америку. Поездка планировалась как временная, я собиралась навестить своего брата, инженера-гидравлика, который работал в Фениксе, в штате Аризона. Брат заболел, ему должны были делать операцию на сердце. Мы ходили в ОВИР раз пятнадцать, потом пошли в посольство просить ускорить дело...

– У вас все эти годы был американский паспорт?

– Да, американцы просто проверили его, написали запрос по месту моего рождения. Еще я показала им свой диплом из Нью-йоркского университета, и тогда они решили сначала мне поверить, а потом все-таки проверить.

– Что бросилось в глаза в современной Америке? Что-то показалось привычным и родным?

– Привычным да, родным нет. Я долго отсутствовала, с 1956 по 1992 год. Конечно, Большой каньон не изменился... Может быть, потому что мы так много разъезжали по стране, не успевали обзавестись привязанностью к какому-нибудь одному месту. Многое, конечно, изменилось. Закрылись большие магазины, которые я прекрасно помнила, витрины были просто заколочены...

Как-то раз в Сан-Франциско я шла по улице одна, меня остановил человек и посоветовал пройти другим путем – «так безопаснее». А еще шла мимо оперного

театра, где, кстати, когда-то выступал мой отец в «Севильском цирюльнике», смотро, там стоят люди и просят милостыню.

Кстати, мы посетили самое южное место русской Америки — Форт Росс в Калифорнии. Мой дед, мамин папа, оказывается, занимался там восстановлением поселка и вел службы в русской часовне. Мы случайно попали на историческую реконструкцию, которая была очень здорово устроена, люди были одеты в костюмы эпохи, каждый будто занимался своим делом, кто у наковальни, кто за шитьем.

А если еще говорить об изменениях в лучшую сторону, обнадеживает то, что, во-первых, президентом избрали такого человека, как Обама (тут я заговорила о политике, но это действительно бросается в глаза), и значит многое в стране также изменилось к лучшему. Граждане не боятся вступать в конфликт с «денежными силами». Появилась техника «на грани фантастики» — компьютеры, Интернет, и т.д. — от этого жизнь становится проще и интереснее.

— Как сложилась ваша жизнь после возвращения в США?

— В Нью-Йорке, где мы пробыли три дня, я снова встретила с Линн Виссон (к тому моменту мы были знакомы уже несколько лет. Она приезжала в Москву, посетила нашу кафедру в Инъязе). Потом отправились в Вашингтон, где зашли в Агентство по охране окружающей среды, и мужу сказали, что на Аляске нужны переводчики. После этого навестили брата в Аризоне и родственников в Сан-Франциско. Закончили перевод о жизни северных коренных народов, послали его заказчиком, и нас с мужем пригласили на работу на Аляску. Когда мы еще детьми жили с родителями, мы снимались с места очень легко, вот и теперь сделали то же самое. На Аляске я тут же получила работу с ученым-биологом из Российской Академии Наук, который изобрел новый метод заготовки красной икры.

Кроме того, мы работали в университете. На Аляску приезжали из России группы, в основном с Дальнего Востока. Приезжали специалисты по нефти и газу, приезжали экономисты, которые хотели узнать, как устроена рыночная экономика. Мы с мужем работали и устными, и письменными переводчиками. Потом в 1995 г. бюджет был урезан и федеральные фонды финансирования иссякли. Мы решили переехать в Вашингтон, поближе к сыну. Я продолжала переводить и преподавать, работала почасовиком в Джорджтаунском и Американском университетах в г. Вашингтоне, занималась переводами для Службы национальных парков и на телепередаче “Frontline”.

Все это время в моей голове медленно зрел и принимал очертания план — написать книгу о переводе³. В нее я постаралась вложить весь свой преподавательский и переводческий опыт, стремилась передать навыки и технику перевода, которые я открыла для себя в течение многих лет работы. Это было интересное время, и я готова к новым проектам. В настоящее время я работаю над разработкой интерактивного курса для письменных переводчиков по Интернету.

*Беседу вел Сергей Гелиевич Чернов.
3 марта 2013 г., г. Арлингтон,
шт. Вирджиния, США*

³ Книга *Introduction to Russian-English Translation* вышла в издательстве Hippocrene Books, Inc. (NY) в 2012 г. В настоящее время готовится издание этой книги в России, в издательстве «Р.Валент».